

Отчетъ о дѣятельности студенческаго философско-психологическаго кружка за 1899—1900-й и 1900—1901 учебные годы ¹⁾.

Въ 1899—1900 учебн. году первое засѣданіе кружка состоялось 18 октября, послѣднее—14 марта 1900 года. Засѣданія происходили въ присутствіи Преосвященнаго Ректора Академіи еп. Арсенія, Инспектора архимандрита Евдокима, подъ руководствомъ членовъ—руководителей кружка гг. профессоровъ—П. П. Соколова, П. В. Тихомирова, И. В. Попова и подъ предсѣдательствомъ студента IV курса А. П. Малинина.—Въ составъ дѣйствительныхъ членовъ кружка, т. е. студентовъ, читавшихъ рефераты или принимавшихъ участіе въ преніяхъ, въ теченіе года вошло 14 человѣкъ; въ составъ членовъ соревнователей, т. е. заявившихъ о своемъ желаніи принять участіе въ дѣлахъ кружка—около ста человѣкъ. Секретарями кружка состояли: М. Я. Павловъ и А. И. Малевичъ.

Главная, научно-образовательная часть дѣятельности кружка состояла: со стороны дѣйствительныхъ членовъ—въ приготовленіи, чтеніи и обсужденіи рефератовъ, а со стороны гг. профессоровъ—въ совѣтахъ студентамъ при выборѣ и постановкѣ вопросовъ, а во время засѣданій—въ руководствѣ преніями и оцѣнкѣ какъ содержанія рефератовъ, такъ и результатовъ преній.

Въ теченіе года на восьми засѣданіяхъ кружка было прочитано восемь рефератовъ,—студентами: А. П. Малининымъ, Г. И. Бугославскимъ, Д. И. Граціанскимъ, П. В. Левито-

¹⁾ О составѣ, организациіи и задачахъ кружка было напечатано въ журн. „Богосл. Вѣст.“ за 1900 г., февраль, въ отдѣлѣ „изъ академической жизни“, стр. 340 и слѣд.

вымъ, А. К. Мишинымъ, А. Н. Челакаъ, Н. М. Знаменскимъ и А. И. Малевичемъ.

Первое засѣданіе кружка состоялось 18 октября 1899 года въ присутствіи Преосвященнаго Ректора Академіи, О. Инспектора, гг. профессоровъ: П. П. Соколова П. В. Тихомирова, И. В. Попова, И. М. Громогласова, В. А. Соколова и В. О. Ключевского и всѣхъ студентовъ Академіи. Студентъ М. Павловъ былъ исправляющимъ должность предсѣдателя.

Засѣданіе было открыто въ 6 час. вечера рѣчью Преосвященнаго Ректора о томъ, что изученіе философіи необходимо для всякаго, кто хочетъ быть всесторонне образованнымъ человекомъ. — Затѣмъ П. П. Соколовъ въ рѣчи къ студентамъ выяснилъ задачу кружка — содѣйствовать самообразованію и выработкѣ философскаго міровоззрѣнія, одинаково необходимаго какъ для научной, такъ и для практической дѣятельности. — Другой членъ руководитель П. В. Тихомировъ въ своей рѣчи обратилъ особенное вниманіе на то значеніе, какое можетъ имѣть живая совмѣстная работа при разработкѣ и рѣшеніи различныхъ философскихъ вопросовъ.

Затѣмъ студентъ IV курса, предсѣдатель кружка А. П. Малининъ прочелъ рефератъ на тему: „О свободѣ воли“. Референтъ развивалъ и доказывалъ слѣдующія положенія:

1. Терминъ „свобода“—отрицательный, неопредѣленный и неточный, поэтому въ разсужденіяхъ о свободѣ воли необходимо уяснять себѣ, какое содержаніе мысли имъ обозначается.

2. Сознаніе свободы должно быть почвой для рѣшенія вопроса о ней, потому что только свидѣтельства непосредственнаго сознанія самодостовѣрны.

3. Разсужденія же, имѣющія въ виду свободу воли, какъ объектъ, не только не имѣютъ характера самодостовѣрности, но въ большинствѣ случаевъ вовсе не достигаютъ цѣли.

4. Психологическимъ коррелятомъ свободы воли служить сознаніе усилія. Ни фізіологическая ни гербартъянская теоріи не могутъ удовлетворительно объяснить его.

5. Категорія причинности—субъективнаго происхожденія, и не имѣетъ объективнаго значенія.

Отсюда: свобода—творческая сила и, вмѣстѣ съ сознаніемъ усилія, должна быть для насъ фактомъ самодостовѣрнымъ.

Въ преніяхъ приняли участіе студенты: Левитовъ, Бугославскій, Знаменскій и Стыранкевичъ. Референту было замѣчено, что отрицать всякое объективное значеніе за категоріей причинности значить подрывать фундаментъ всякаго положительнаго знанія, и что, хотя сознаніе усилія и можно считать психологическимъ коррелятомъ воли, это еще не значить, чтобы оно было коррелятомъ именно *свободной* воли.

На второмъ засѣданіи студенческаго кружка, 4 ноября 1899 года, въ присутствіи Преосвященнаго Ректора Академіи, О. Инспектора, гг. профессоровъ: П. В. Тихомирова, И. В. Попова, I. А. Татарскаго, Н. А. Заозерскаго и А. II. Введенскаго, подъ предсѣдательствомъ А. Малинина, студентъ П. Левитовъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: „Къ полемикѣ А. Введенскаго и В. Соловьева по вопросу объ отношеніи Спинозы къ теизму“—Референтъ развивалъ слѣдующую дилемму. Если въ понятіи Бога, постулируемомъ религіознымъ сознаніемъ каждаго человѣка, идея личности должна быть существеннымъ признакомъ, то пантеизмъ, замѣняющій эту идею неопредѣленнымъ понятіемъ „сверхличности“, въ сущности—атеизмъ,—и тогда правъ Введенскій; если же признать, что существеннымъ признакомъ въ понятіи о Богѣ должна быть идея абсолютнаго начала бытія, то не только пантеизмъ, но даже и матеріализмъ не можетъ быть причисленъ къ атеистическимъ системамъ,—и тогда правъ Соловьевъ. Но послѣдній членъ дилеммы долженъ быть устраненъ, потому что въ противномъ случаѣ мы пришли бы къ отрицанію атеизма вообще; поэтому правда остается на сторонѣ Введенскаго.

Въ обсужденіи реферата приняли участіе студ. IV к. Малининъ и гг. члены руководители: П. В. Тихомировъ и И. В. Поповъ. Г. Малининъ предложилъ референту вопросъ: чѣмъ руководился онъ, излагая воззрѣнія Спинозы по „Этикѣ“ и совсѣмъ игнорируя его „письма“, тогда какъ эти послѣднія по своимъ теистическимъ мыслямъ прямо противоположны атеистическому характеру „Этики“?

О міросозерцаніи Спинозы, какъ философа, говорилъ на это референтъ, должно судить по его „Этикѣ“: письма были адресованы къ частнымъ лицамъ; философская мысль автора уступала въ нихъ мѣсто чувству, могла приспособляться къ пониманію адресатовъ и не нуждаться въ строгомъ соот-

вѣтствии между содержаніемъ воззрѣній и его выраженіемъ. Затѣмъ г. Малининъ обратилъ вниманіе на представленія референта о христіанскомъ теизмѣ и, желая показать, что можно быть теистомъ, не представляя Бога личнымъ, указалъ на примѣры Іустина и Климента Александрійскаго. — Святые отцы, отвѣчаль на это референтъ, хотя и признавали, что предикаты Божества (въ томъ числѣ и предикатъ личности) не адекватны Божественной Сущности, все же таки считали возможнымъ приписывать Божеству свойства личности, какъ нѣчто совершенное и вполнѣ „приличное Богу.

Поясняя мысль, высказанную референтомъ, П. В. Тихомировъ замѣтилъ, что теизмъ является противоположностью атеизму, а не пантеизму, какъ это проведено у референта.

Затѣмъ, по поводу мысли референта, что Богъ можетъ и грѣшить и не грѣшить, И. В. Поповъ замѣтилъ, что во времена аріанскихъ споровъ православные считали эту мысль еретической. Понятіе свободы входитъ въ понятіе Божества такъ, что свобода трансформируется и совершенно совпадаетъ съ реальною необходимостью. Это послѣднее приводитъ насъ къ признанію сверхличности Божества. Но цитаты изъ Климента, приводимые референтомъ и оппонентомъ, какъ плодъ сторонняго философскаго вліянія, не могутъ служить выраженіемъ общецерковнаго христіанскаго ученія.

Третье засѣданіе кружка состоялось 24 ноября въ присутствіи Преосвященнаго Ректора Академіи, О. Инспектора и гг. членовъ руководителей: П. П. Соколова, П. В. Тихомирова и И. В. Попова. Студентъ II курса г. Челакъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: „О происхожденіи законовъ мышленія“. Въ преніяхъ по поводу реферата принялъ участіе предсѣдатель кружка А. Малининъ.

Референтъ проводилъ и пытался обосновать мысль, что законы мышленія имѣютъ чисто логическое происхожденіе, т. е. не могутъ быть выведены ни изъ какой другой способности, кромѣ разума. Эта мысль и оспоривилась оппонентомъ на примѣрахъ актовъ мышленія по законамъ: противорѣчія, исключеннаго третьяго и достаточнаго основанія.

Резюмируя содержаніе реферата и преній, члены руково-

дители выяснили референту, что вопросъ о происхожденіи законовъ мышленія нужно рѣшать не съ логической, а съ психологической точки зрѣнія.

На четвертомъ засѣданіи кружка, 3-го декабря 1899 г., въ присутствіи Преосвященнаго ректора Академіи, О. Инспектора и г.г. членовъ руководителей П. П. Соколова, П. В. Тихомирова и И. В. Попова, студентомъ IV курса Д. М. Граціанскимъ былъ прочитанъ рефератъ подь заглавіемъ: „Рефлексія и перцепція“. — Установивъ фактъ антагонизма между жизнью и наукой въ самосознаніи каждой личности, доказавъ примѣрами несостоятельность и бесплодность рефлексивнаго, научнаго мышленія сравнительно съ чувствомъ жизни, непосредственнымъ сознаніемъ дѣйствительности и продуктивностью эмоцій, референтъ пришелъ къ выводу, что непосредственному чувству нужно отдать рѣшительное предпочтеніе предь логикой и признать его самымъ вѣрнымъ и самымъ надежнымъ критеріемъ истины. — Въ качествѣ оппонентовъ выступали студенты: Стыранкевичъ, Челакъ, Соколовъ, Бандарь и Голубевъ. — Результаты преній можно свести къ тремъ основнымъ положеніямъ: что терминологія референта неточна и неопредѣленна; что само по себѣ непосредственное чувство не такой надежный критерій истины, чтобы на него можно было положиться, и что референтъ преувеличиваетъ антагонизмъ между наукой и жизнью, особенно между жизнью и философіей.

Пятое засѣданіе кружка состоялось 18-го января 1900 года подь предсѣдательствомъ студента А. Малинина, въ присутствіи Преосвященнаго Ректора Академіи, О. Инспектора, и г.г. членовъ руководителей П. П. Соколова и П. В. Тихомирова. Студентъ IV курса П. Бугославскій прочелъ рефератъ на тему: „Личность и идеи Рескина“. Параллельно съ біографіей Рескина референтъ обрисовалъ развитіе его философско-эстетическихъ и соціологическихъ воззрѣній. Заключение реферата представляло собой характеристику того значенія, какое имѣли идеи Рескина для современной мысли и жизни.

Пренія сосредоточились на выдвинутомъ рефератомъ вопросѣ: какое отношеніе должно установить между моральными и эстетическими чувствованіями? Въ обсужденіи вопроса приняли участіе студенты: Бугославскій, Голубевъ и

Знаменскій. Въ преніяхъ выяснилось, что, вопреки мнѣнію Бугославскаго, тѣ и другія чувствованія не стоятъ зъ необходимой связи между собою: можно быть прекрасно развитымъ въ эстетическомъ отношеніи и въ то же время быть человѣкомъ безъ нравственныхъ убѣжденій и безъ нравственной чувствительности къ добру и злу.

На шестомъ засѣданіи кружка, 27 января 1900 г., въ присутствіи Преосвященнаго Ректора Академіи, О. Инспектора и г. членовъ руководителей П. П. Соколова, П. В. Тихомирова и А. Д. Бѣляева, студентъ I курса А. Малевичъ прочелъ рефератъ на тему: „Проблема прогресса и счастья“.— Референтъ проводилъ и доказывалъ ту мысль, что счастье человѣка зависитъ не столько отъ внѣшнихъ, матеріальныхъ условій его жизни, сколько отъ его внутренняго настроенія, отъ направленія его жизни и того отношенія, какое онъ установитъ между своимъ внутреннимъ міромъ—съ одной стороны, и предметами внѣшнихъ удобствъ и матеріальнаго довольства—съ другой. Такъ какъ установить это отношеніе—личное дѣло cadaго, то счастье человѣка зависитъ только отъ него самого: онъ можетъ быть счастливъ при всякихъ внѣшнихъ условіяхъ жизни. — Въ преніяхъ приняли участіе студенты: Зеленцовъ, Стыранкевичъ, Знаменскій и Приклонскій. Возраженія имѣли характеръ частныхъ вопросовъ о томъ, какъ, по мнѣнію референта, нужно было бы вести себя при тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. На всѣ вопросы референтомъ даны были краткіе, но обстоятельные отвѣты, и результаты преній свелись къ одному,—именно: что счастье, такъ легко достижимое въ мечтахъ и теоріи, лишь съ большимъ трудомъ достигается въ практикѣ дѣйствительной жизни и что нерѣдко большая часть этого труда падаетъ на долю внѣшнихъ условій жизни.

Въ резюмѣ членовъ руководителей референту было замѣчено, что, отождествивъ прогрессъ съ культурой, онъ упустилъ изъ виду прогрессъ личности, а когда затѣмъ, рѣшая вопросъ о счастьѣ, сталъ игнорировать внѣшнюю культуру, то въ сущности, не далъ проблемъ научной постановки и рѣшенія ни съ той ни съ другой точки зрѣнія.

Седьмое засѣданіе кружка состоялось 9-го февраля 1900 г. въ присутствіи Преосвященнаго Ректора Академіи, О. Инспектора и г. членовъ руководителей — П. П. Соколова,

П. В. Тихомирова и И. В. Попова. Студентъ IV курса А. Мишинъ прочелъ рефератъ на тему: „Психофизическій монизмъ“, представлявшій собою краткое изложеніе и оцѣнку названной теоріи.—Содержаніе реферата можно свести къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ:

1) Гипотеза психофизическаго монизма опирается на параллелистическую теорію душевной жизни, а эта послѣдняя покоится на фактѣ соответствія между психическими состояніями и фізіологическими процессами и на законѣ сохраненія физической энергіи.

2) Съ точки зрѣнія параллелистической теоріи между психическими состояніями—съ одной стороны, и фізіологическими процессами—съ другой, нѣтъ причинной связи: они только сосуществуютъ параллельно другъ-другу; съ точки зрѣнія психофизическаго монизма въ тѣхъ и другихъ раскрывается единое начало: психика и матерія—лишь его разныя стороны.

3) Основной принципъ психофизическаго монизма догматиченъ, неясенъ, ведетъ къ противорѣчіямъ и вообще не поддается пониманію.

4) Теорія параллелизма не всегда оправдывается фактами психо-физической жизни. Что касается до закона сохраненія физической энергіи, то онъ не стоитъ въ органической связи съ параллелистическимъ ученіемъ о душѣ, и не исключаетъ взаимодѣйствія психическаго начала съ матеріальнымъ. Если же Спенсеръ допускаетъ превращеніе физической энергіи въ психическую, то въ данномъ случаѣ онъ поступаетъ безъ достаточныхъ основаній.

5) Успѣхъ гипотезы психофизическаго монизма въ наше время объясняется ея туманностью и способностью удовлетворять какъ матеріалистовъ, такъ и спиритуалистовъ. — Что же касается параллелистической теоріи душевной жизни, то, подобно атомистической теоріи, теоріи историческаго матеріализма etc, она можетъ имѣть весьма важное методологическое значеніе.

Въ преніяхъ приняли участіе студенты: Стыранкевичъ Голубевъ, Знаменскій и Малевичъ. Касаясь частныхъ вопросовъ, затронутыхъ рефератомъ, пренія лишь уяснили его содержаніе, заставивъ г. Мишина еще разъ повторить, что онъ утверждаетъ и чего не беретъ рѣшать.

Въ резюмѣ членовъ руководителей точка зрѣнія референта, постановка и рѣшеніе вопроса, въ общемъ, были признаны правильными.

Дѣятельность кружка въ 1899—900 учебномъ году закончилась 14 марта послѣднимъ въ году, восьмымъ по счету засѣданіемъ. Въ присутствіи Преосвященнаго Ректора Академіи, О. Инспектора и гг. членовъ руководителей П. П. Солодова и П. В. Тихомірова, студентъ II курса Н. Знаменскій прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ: „О святости“.

Охарактеризовавъ настроеніе и вытекающую изъ него практическую дѣятельность святыхъ, референтъ проводилъ и доказывалъ ту мысль, что святость не обуславливается ни природными свойствами нѣкоторыхъ людей, ни ихъ интеллектуальнымъ развитіемъ: она—дѣло личнаго нравственнаго подвига, результатъ стремленія человѣка воплотить въ своей жизни нравственный идеалъ и укрѣпить просвѣтленную этимъ идеаломъ волю. Въ частности референтъ доказывалъ, что только съ этой точки зрѣнія, съ точки зрѣнія особеннаго нравственнаго настроенія святыхъ, понятна возможность необычайныхъ явленій въ ихъ жизни: попытки объяснить ихъ нервозностью, телепатическими галлюцинаціями, экстазомъ, истеріей, самовнушеніемъ и т. п. не достигаютъ своей цѣли.

Въ качествѣ оппонента выступалъ предсѣдатель кружка ст. IV курса А. Малининъ. Въ руководствѣ преніями принялъ участіе Преосвященный ректоръ академіи. Пренія касались вопроса объ отношеніи свободы и благодати и носили богословскій характеръ.

Въ своей дѣятельности за 1900—901 уч. г. кружокъ, въ общемъ, не отступалъ отъ своего устава. Какъ и въ предыдущемъ году, его засѣданія происходили въ присутствіи Преосвященнаго Ректора и Инспектора Академіи, а обсужденіемъ вопросовъ, поставленныхъ или косвенно затронутыхъ рефератами, руководили гг. профессора Академіи, „члены руководители“ кружка. Въ чтеніи и обсужденіи рефератовъ состояла главная научно-образовательная часть засѣданій. Обычно, этой послѣдней предшествовала дѣловая часть, со-

стоявшая въ чтеніи протокола предыдущаго засѣданія. Засѣданія открывались въ 6 час. вечера и заканчивались около 9-и. Иногда эти философскіе вечера продолжались приблизительно до 11 часовъ; тогда, послѣ вечерней молитвы, студентами исполнялось нѣсколько вокально-музыкальных пьесъ по заранѣ составленной и одобренной Преосв. Ректоромъ Академіи программѣ.

Изъ семи „членовъ руководителей“ кружка особенно близкое участіе въ его занятіяхъ принимали четверо: П. П. Соколовъ, П. В. Тихомировъ, И. Д. Андреевъ и И. В. Поповъ. Предсѣдателемъ кружка состоялъ Голубевъ, секретарями—Покровскій и Павловъ. Въ составъ „дѣйствительныхъ членовъ“, т. е. „студентовъ, изъявившихъ желаніе читать рефераты и принимать участіе въ преніяхъ“ (§ 7 уст.), вошло около 20-и человекъ; въ составъ членовъ сореовнвателей“, т. е. студентовъ, „изъявившихъ желаніе вступить въ кружокъ“ (§ 8-й)—около полутораоста. Изъ дѣйствительныхъ членовъ кружка болѣе дѣятельное участіе принимали слѣдующіе 9: IV курса—предсѣдатель кружка В. Н. Голубевъ, П. В. Левитовъ, С. С. Покровскій, В. И. Таланкинъ и Н. Г. Моисеевъ; III курса — А. Н. Челакаъ и Н. М. Знаменскій; II курса—А. И. Малевичъ и В. Я. Струминскій. Остальные дѣйствительные члены кружка не читали рефератовъ, а только выступали въ качествѣ оппонентовъ.

На восьми засѣданіяхъ кружка, съ 18 октября 1900 года по 20 апрѣля 1901-го, было прочитано 10 рефератовъ.—Вотъ краткое резюме ихъ содержанія и результатовъ возбужденныхъ ими преній.

Первый рефератъ подъ заглавіемъ: „Къ вопросу о свободѣ воли“ ¹⁾ былъ прочитанъ студентомъ IV курса Викторомъ Голубевымъ 18 октября 1900 года. Референтъ развивалъ и доказывалъ мысль, что истинное понятіе о свободѣ опредѣляетъ ее не какъ безпричинность дѣйствій, а какъ невозможность предугадать ихъ. Рефератъ вызвалъ оживленныя пренія, въ которыхъ приняли участіе: профессоръ С. С. Глаголевъ, студ. IV курса Малининъ и III-го Знаменскій. Послѣ того какъ однимъ изъ оппонентовъ было указано референту, что онъ смѣшиваетъ рефлкторныя движенія съ сознаніемъ уси-

¹⁾ Рефератъ напечатанъ въ журн. „Вѣра и Разумъ“ за 1901 г.

лія, въ которомъ собственно и лежитъ сознаніе свободы воли; споръ перешель на почву вопроса о законѣ причинности, причемъ г. Малининъ возражалъ противъ его всеобщности. Въ резюмэ членовъ руководителей было признано, что для отрицанія всеобщности закона причинности нѣтъ основаній. Вопросъ о свободѣ воли объявленъ открытымъ.

Второй рефератъ подъ заглавіемъ: „О сравнительной цѣнности различныхъ симпатическихъ чувствованій съ нравственной точки зрѣнія“ ¹⁾ былъ прочитанъ студентомъ IV курса П. В. Левитовымъ въ засѣданіи 3-го ноября 1900 года. Референтъ доказывалъ слѣдующія положенія:

1) Взглядъ Шопенгауэра на состраданіе, какъ на единственную основу морали, несостоятеленъ: между понятіями нравственности и альтруизма нѣтъ полного тождества, такъ что послѣдній не исчерпываетъ всего содержанія первой. Кромѣ того, помимо обязанностей къ ближнимъ, у человѣка есть обязанности къ себѣ самому и Богу.

2) Даже въ области альтруистической нравственности состраданіе, само по себѣ, не можетъ быть признано ея основой. Оно имѣетъ моральную цѣнность лишь въ томъ случаѣ и постольку, когда и поскольку побуждаетъ человѣка дѣйствовать въ пользу ближняго, независимо отъ своего личного удовольствія и интереса.

3. Цѣнность состраданія, какъ мотива, ослабляется тѣмъ, что оно: а) пассивно по своему происхожденію; б) въ своей интенсивности обуславливается чисто внѣшними и случайными обстоятельствами, изъ которыхъ болѣе важное значеніе имѣетъ въ данномъ случаѣ не безобразіе страдальца, какъ думаютъ нѣкоторые моралисты, а красота или, вѣрнѣе, симпатичность; в) вслѣдствіе этого часто противорѣчитъ справедливости, и, д) не исчерпывая всего содержанія альтруистической нравственности, нуждается въ восполненіи сорадованіемъ.

4) По мнѣнію Вл. С. Соловьева, состраданіе выше сорадованія, потому что послѣднее иногда бываетъ безнравственнымъ и не можетъ служить стимуломъ къ активной дѣятельности. Но, въ зависимости отъ предмета, и состраданіе иногда можетъ быть безнравственнымъ и не сопровождаться

¹⁾ Напечатанъ въ журн. „Вѣра и Разумъ“ 1901 г. № 10.

прямыми результатами въ практической дѣятельности. Поэтому предпочтеніе состраданія сорадованію у В. Соловьева не достаточно обосновано.

5) Наблюдаемая нами безрезультатность сорадованія въ практической дѣятельности людей не можетъ уничтожить его нравственной цѣнности, потому что: а) въ большинствѣ случаевъ сорадованіе не сопровождается дѣятельностью только потому, что въ этой послѣдней нѣтъ надобности; б) настроеніе можетъ быть моральнымъ независимо отъ тѣхъ слѣдствій, къ которымъ оно приводитъ во внѣшней практической дѣятельности; с) сорадованіе можетъ возникнуть только на почвѣ высокаго нравственнаго развитія, которое достигается путемъ свободныхъ усилій; наконецъ, будучи антиципаціей удовольствій ближняго, оно можетъ стать мотивомъ дѣятельности, направленной къ тому, чтобы доставить радость другому.

6) Сорадованіе выше состраданія, потому что имѣетъ чисто альтруистическій характеръ и, не сопровождаясь чувствомъ удовольствія отъ сознанія личнаго превосходства, исключаетъ зависть.—Въ виду этого способный къ сорадованію необходимо сострадательнѣе, но сострадательный человѣкъ не всегда способенъ сорадоваться.

7) Относительно пассивная и неопредѣленная по содержанию симпатія, становясь болѣе опредѣленной, устойчивой, интенсивной и продолжительной, превращается въ любовь.

8) Низшею формою любви является любовь половая. Она ниже дружбы, любви братской и любви къ человѣчеству. Ея эгоистическій характеръ доказывается ревностью, а кратковременность и случайность—зависимостью отъ чисто внѣшнихъ качествъ любимаго субъекта.

9) Любовь материнская выше половой, хотя и не чужда чувственно-эгоистической подкладки.

10. Высшими видами любви являются любовь національная и общечеловѣческая. Эта послѣдняя—высшій принципъ нравственности. Но такъ какъ при современныхъ условіяхъ жизни его трудно осуществить и невозможно осуществить вполне, то отъ человѣка можно требовать только, чтобы онъ, простиралъ свое сочувствіе по возможности на болѣшій кругъ людей.

Пренія начались замѣчаніемъ Преосвящ. Ректора Акаде-

ми, что референтъ не достаточно ясно установилъ различіе между этикой Шопенгауэра и этикой Вл. С. Соловьева.— Студенты С. Покровскій, В. Голубевъ и П. Васильковъ свели свои возраженія къ тому, что референтъ не вполнѣ правильно понимаетъ сущность альтруизма и, можетъ быть, напрасно отрицаетъ всякую нравственную цѣнность за пологою любовью.—Признавъ послѣднюю мысль справедливой, Н. Г. Городенскій, резюмируя содержаніе преній, высказался, что вообще сравнительная цѣнность различныхъ симпатическихъ чувствованій много зависитъ отъ ихъ индивидуальнаго характера.

На *третьемъ* засѣданіи кружка, 24 ноября, студентомъ IV курса С. Покровскимъ былъ прочитанъ рефератъ на тему: „Психологическія основы альтруизма“. Чтеніе реферата и пренія происходили въ присутствіи Преосв. Ректора Академіи и гг. членовъ-руководителей: П. П. Соколова, П. В. Тихомирова, И. В. Попова и Н. Г. Городенскаго.

Референтъ высказалъ слѣдующія положенія.

1. Согласно съ предположеніемъ, что человѣкъ по природѣ звѣрь и что война всѣхъ противъ всѣхъ была первоначальнымъ состояніемъ человѣчества, эволюціонисты утверждаютъ, что альтруизмъ возникъ и развился въ человѣкѣ какъ выходъ изъ этого общаго военнаго положенія. Но съ одной стороны, факты изъ жизни дикарей свидѣлствуютъ о существованіи у нихъ взаимнаго довѣрія, сочувствія и благожелательности, съ другой,—невозможно представить себѣ замѣну полнаго эгоизма альтруизмомъ. Поэтому необходимо допустить, что въ основѣ человѣческаго альтруизма лежитъ самостоятельное начало.

2. Съ мнѣніемъ Литтрэ, будто альтруизмъ — таже самая сила, которая возбуждаетъ въ насъ родовой инстинктъ— таже сила,—только въ дальнѣйшемъ развитіи, нельзя согласиться, потому что съ этой точки зрѣнія необъяснимы альтруизмъ у дѣтей и противорѣчіе между общественною симпатіей и семейною любовью.

3. Въ насъ есть стремленіе жить общею жизнью, жизнью другихъ людей. Самостоятельность этого стремленія доказывается тѣмъ, что оно свойственно всякому живому существу и нерѣдко противорѣчитъ инстинкту самосохраненія.

4. Въ основѣ симпатіи лежитъ сознаніе духовнаго то же-

ства, сознание единения съ другими подобными существами.

5. Альтруистическія чувствованія въ тѣсномъ смыслѣ слова отличаются отъ соціального инстинкта тѣмъ, что послѣдній имѣетъ въ виду общую пользу, тогда какъ первыя возникаютъ на почвѣ отношеній къ извѣстнымъ индивидуумамъ.

Въ преніяхъ, въ которыхъ приняли участіе ст.: IV курса Таланкинъ и III-го А. Челахъ и Н. Знаменскій, было установлено, что мнѣніе Литтре, Друммонда и др. не такъ непримиримо съ взглядомъ самого референта, какъ это казалось ему самому, и что вопросъ о цѣнности альтруизма должно отдѣлять отъ вопроса о его происхожденіи: цѣнность альтруизма нужно искать отнюдь не въ его первоначальномъ происхожденіи, тѣмъ болѣе что о послѣднемъ мы можемъ только болѣе или менѣе удачно гадать.—Отсюда возникъ вопросъ: какое значеніе можетъ имѣть для насъ выясненіе генезиса тѣхъ или другихъ нравственныхъ идей? Стороны пришли къ соглашенію, что исторія развитія нравственнаго самоознанія можетъ служить подтвержденіемъ и способствовать лучшему пониманію нашихъ нравственныхъ идеаловъ.

Подводя итогъ преніямъ, И. В. Поповъ замѣтилъ, что референтъ недостаточно выяснилъ роль альтруизма въ психической жизни человѣка.

На *четвертомъ* засѣданіи кружка, 13 декабря, въ присутствіи Преосв. Ректора Академіи и гг. членовъ руководителей: П. П. Соколова, И. В. Попова и Н. А. Заозерскаго, студентомъ IV курса В. И. Таланкинымъ былъ прочитанъ рефератъ на тему: „Христіанскій догматъ о первородномъ грѣхѣ съ философско-психологической точки зрѣнія“.

Установивъ взглядъ на роль догмата о первородномъ грѣхѣ въ системѣ христіанскаго міровоззрѣнія, референтъ призналъ, что „проблема понерологии въ христіанствѣ совпадаетъ съ философскою проблемой зла“ и что поэтому христіанскій догматъ о первородномъ грѣхѣ можетъ и долженъ подлежать философскому и психологическому истолкованію. Съ философской точки зрѣнія первородный грѣхъ сводится къ самоопредѣленію человѣка въ жизни вопреки идеалу богоподобія, къ его подчиненію лишь физическимъ и физиологическимъ опредѣленіямъ двойственной природы

человѣка“, а сущность зла—къ „разладу въ природѣ чело-
вѣка между идеальной природой его личности и наличной
формой его существованія въ качествѣ лишь вещи физиче-
скаго міра.“ Слѣдствія первороднаго грѣха — „радикаль-
ность зла, его всеобщность-врожденность, бессмысліе жизни
и необходимость смерти, какъ уничтоженія этого бессмыс-
лія.“ Разладъ, внесенный первороднымъ грѣхомъ въ при-
роду челоѣка, чувствуется каждымъ, а наблюденіе надъ
жизнью подтверждаютъ мысль о необходимости смерти:
счастье—призракъ, а „жизнь челоѣка—сплошной процессъ
подчиненія физической природѣ“.

Въ преніяхъ приняли участіе: Преосвящ. Ректоръ Ака-
деміи и студенты: А. Челакаъ, П. Добромысловъ и П. Леви-
товъ.—Преосв. Ректоръ указалъ референту, что въ рефератѣ
не выяснено происхождение зла, а лишь не вполне точно
изложено церковное догматическое ученіе объ этомъ предметѣ.
Затѣмъ вниманіе оппонентовъ обратилось на вопросъ: какъ
объяснить вмѣненіе прародительскаго грѣха потомкамъ, кото-
рые лично не принимали въ немъ участія? Такъ какъ этотъ
вопросъ былъ обойденъ референтомъ, а рѣшеніе его „съ фи-
лософско-психологической точки зрѣнія“ оказалось непо-
сильной задачей; то профессоръ Заозерскій, для выясненія
вопроса, предложилъ смотрѣть на вмѣненіе первороднаго грѣ-
ха съ юридической точки зрѣнія.—Резюмируя пренія, Прео-
священный Ректоръ Академіи, между прочимъ, обратилъ вни-
маніе студентовъ на необходимость и пользу внимательнаго
изученія твореній отцовъ Церкви, въ которыхъ заключается
весьма много цѣнныхъ данныхъ для рѣшенія вопросовъ чи-
сто богословскихъ и философскихъ.

Пятое засѣданіе кружка состоялось 22 января 1901 г., въ
присутствіи Преосвященнаго Ректора и Инспектора Академіи
и гг. членовъ руководителей—П. П. Соколова и И. В. По-
пова, и было посвящено памяти Владиміра Сергѣевича Со-
ловьева. На сѣданіи было прочтѣно три реферата: „Нрав-
ственная философія Вл. С. Соловьева“ В. Струминскаго,
„Вл. С. Соловьевъ, какъ публицистъ“ А. Малевича и „Со-
ловьевъ какъ поэтъ“ Н. Моисеева. — Вотъ ихъ краткое со-
держаніе.

Присущая всѣмъ людямъ идея добра указываетъ три не-
обходимыхъ признака совершеннаго добра: оно ничѣмъ не

обусловливается, все обусловливаетъ собою и чрезъ все осуществляется. То, что оно ничѣмъ не обусловлено, составляетъ его *чистоту*, то, что оно обусловливаетъ собою все, составляетъ его *полноту*; а въ томъ, что оно чрезъ все осуществляется, состоитъ его *сила*.—Вполнѣ оправдать добро значить показать, что извѣстный порядокъ жизни обладаетъ всѣми указанными признаками въ безусловной степени. По самому существу дѣла нравственная или практическая философія не можетъ взять на себя такой задачи, т. е. всецѣлаго оправданія добра. Она должна только показать *полноту* добра, т. е. выяснитъ, какъ извѣстный порядокъ жизни, признаваемый за добро, распространяется на всю область человѣческихъ отношеній. Безусловная чистота добра можетъ быть показана только въ теоретической философіи, которая, между прочимъ, занимается и рѣшеніемъ вопроса о добрѣ и злѣ. Сила добра можетъ стать ясной только изъ опыта. — Итакъ, показать, какъ порядокъ жизни, признаваемый нами за добро, распространяется на всѣ возможныя человѣческія отношенія,—вотъ задача нравственной философіи Вл. С. Соловьева.

Все, что существуетъ или можетъ существовать, исчерпывается тремя категоріями достоинства: мы имѣемъ дѣло или съ тѣмъ, что *выше* насъ, или съ тѣмъ, что *равно* намъ, или съ тѣмъ, что *ниже* насъ. Выше насъ—Безусловное Существо, Богъ; равно намъ все то, что вмѣстѣ съ нами самодѣятельно стремится къ нравственному совершенству, т. е. подобныя намъ живыя существа, ниже насъ—то, что неспособно къ такому совершенствованію, матеріальная природа.

Чѣмъ регулируется наше поведеніе по отношенію къ предметамъ, подходящимъ подъ ту или другую изъ указанныхъ категорій достоинства? Основаніе такихъ отношеній дано въ самой природѣ человѣка: *стыдъ* охраняетъ наше высшее достоинство по отношенію къ захватамъ животныхъ влеченій; *жадность* внутренне уравниваетъ насъ съ другими; *благодареніе* предъ Высшимъ Существомъ лежитъ въ основѣ нашихъ стремленій къ Нему.

Добросовѣстный разумъ, обобщая побужденія доброй природы, возводитъ ихъ въ законъ. Отсюда возникаютъ слѣдующіе принципы нравственной дѣятельности: *аскетизмъ*,

обязывающій человѣка подчинять свою животную, стихійную жизнь жизни духовной; *альтруизмъ*, требующій отъ человѣка справедливости (никого не обижать) и милосердія (всѣмъ помогать) по отношенію къ ближнимъ, и *религіозное чувство*, лежащее въ основѣ благоговѣйнаго послушанія Высшему Существу. Въ религіозномъ чувствѣ объединяются всѣ другіе принципы нравственности и въ немъ получаютъ высшую санкцію своего нравственнаго достоинства.

Для достиженія высшаго нравственнаго совершенства недостаточно личной нравственной дѣятельности; необходима принудительная организація добра.—Міровой процессъ представляютъ собою постепенную организацію добра (царство неорганическое, царство растеній, царство животныхъ, царство человѣческое и царство Божіе).—Церковь должна быть организованнымъ благочестіемъ, государство—организованной жалостью, регламентація экономическихъ отношеній—организаціей стыда.

Изложивъ нравственныя воззрѣнія Вл. С. Соловьева, г. Струминскій обрисовалъ нравственный характеръ философа, отразившійся и воплотившійся въ его идеяхъ.

Обрисовавъ общій характеръ публицистической дѣятельности Вл. С. Соловьева, г. Малевичъ остановился на проповѣди вселенскаго христіанства, какъ на важнѣйшей ея темѣ. Изложивъ теократическую теорію и чаянія философа, референтъ закончилъ свой докладъ оправданіемъ и значеніемъ ихъ въ исторіи русскаго самосознанія.

Поэтическое творчество Влад. С. Соловьева было предметомъ третьяго реферата. Указавъ на незаслуженность упрековъ Соловьеву въ отсутствіи оригинальности и основной идеи, г. Моисеевъ выяснилъ наиболѣе характерныя черты его творчества, — преобладаніе религіозныхъ и этическихъ мотивовъ и склонность къ символизму, — и указалъ главныя темы его стихотвореній.

Шестое засѣданіе студенческаго философск.-психологич. кружка состоялось 30-го января 1901 г. въ присутствіи Пресвященнаго ректора Академіи, О. Инспектора и гг. членовъ руководителей П. П. Соколова и П. В. Тихомирова. Студентъ III курса г. Челакъ предложилъ слушателямъ рефератъ на тему: „Психологія лжи“. — Основныя положенія реферата слѣдующія:

1. Правильный ход интеллектуальных процессов регулируется законами мышления; уклонение от них ведет къ ложнымъ выводамъ.

2. Провести рѣзкую границу между вполне логичнымъ и ошибочнымъ мышлениемъ нѣтъ возможности: наше „я“ постоянно колеблется подѣ дѣйствіемъ различныхъ психическихъ состояній и внѣшнихъ вліяній на эти послѣднія; поэтому никто не гарантированъ отъ ошибокъ.

3. Можно различать нѣсколько типовъ ошибочнаго мышления. а) На первомъ мѣстѣ стоитъ типъ мышления, ошибки котораго обуславливаются преобладаніемъ въ душѣ чловѣка одной идеи: эта послѣдняя подчиняетъ себѣ такіе элементы, которые не имѣютъ прямой связи съ нею, и придаетъ имъ ложную окраску. б) Другой типъ ошибочнаго мышления мы находимъ у людей, преобладающія идеи которыхъ такъ слабы, что даютъ полный просторъ группировкѣ психическихъ элементовъ. Здѣсь могутъ уживаться группы элементовъ, слабо объединенныхъ логическою связью. в) Наконецъ, третій типъ ошибочнаго мышления встрѣчается у людей слабоумныхъ, когда психическая и физическая организація такъ мало приспособлена къ интеллектуальнымъ процессамъ, что едва ли можно говорить объ интеллектуальномъ единствѣ психики.

4. При всѣхъ типахъ ошибочнаго мышления мысль уклоняется отъ требованій логики подѣ вліяніемъ чуждыхъ должному отношенію идей психическихъ элементовъ — идей, стремленій, эмоцій, настроенія.

Въ качествѣ оппонентовъ выступали студенты: Орловъ, Казанцевъ, Поповъ, Голубевъ и Златовъ.

Въ преніяхъ выяснилось, что содержаніе реферата не соотвѣтствуетъ его заглавію: въ объемъ понятія лжи референтъ включилъ всѣ ошибки мышления, тогда какъ ложь обозначаетъ сознательно и злонамѣренно допущенное несоотвѣтствіе между сознаніемъ и его выраженіемъ, и потому читалъ не о психологіи лжи, а о психологіи ошибокъ. Затѣмъ референту указано было, что ошибки зависятъ не только отъ неправильности выводовъ, но и отъ матеріальной несостоятельности посылокъ. Наконецъ, спорящими было признано, что классификація типовъ ошибочнаго мышления и искусственна и неполна.

Въ заключеніе П. П. Соколовъ резюмировалъ результаты преній, а П. В. Тихомировъ высказалъ, что реферату объ ошибкахъ мышленія лучше было бы дать логическую постановку, чѣмъ психологическую.

Седьмое засѣданіе студенческаго философск.-психологич. кружка состоялось 5-го марта въ присутствіи Преосвященнаго ректора и Инспектора Академіи и гг. членовъ руководителей: П. П. Соколова, П. В. Тихомирова и И. Д. Андреева.—Студентомъ II курса А. Малевичемъ былъ прочитанъ рефератъ на тему: „Демографическая проблема“.

Рефератъ распадается на три части.

Въ первой изъ нихъ референтъ отмѣтилъ три ступени въ историческомъ развитіи демографической проблемы: первая ступень характеризуется наивной вѣрой въ благотѣльность роста народонаселенія; вторая—тревожной увѣренностью въ томъ, что ростъ населенія далеко обгоняетъ ростъ средствъ пропитанія (теорія Мальтуса), третью ступень занимаетъ современная теорія пропорціональности и равновѣсія между ростомъ народонаселенія и ростомъ средствъ существованія.

Вторая часть реферата представляла собой краткое изложеніе теоріи Мальтуса, третья—ся разборъ на почвѣ данныхъ статистики, біологіи и политической экономіи.

Излагая теорію Мальтуса, референтъ обратилъ особенное вниманіе на слѣдующія положенія: а) народонаселеніе растетъ въ *геометрической*, а средства пропитанія—въ *арифметической* прогрессіи; б) отсюда, пауперизмъ, съ его бѣдствіями, неизбѣженъ, и потому в) въ виду безсилія соціальныхъ реформъ въ борьбѣ съ нищетой, для предупрежденія гибельнаго перенаселенія, необходимо воздержаніе отъ раннихъ браковъ и желательное сокращеніе ихъ числа.

Разбирая теорію Мальтуса, г. Малевичъ на основаніи статистическихъ данныхъ доказывалъ ошибочность его „прогрессіи“, а не основаніи данныхъ біологіи — несостоятельность его закона: прогрессъ человѣчества, по Г. Спенсеру, долженъ сопровождаться упадкомъ плодовитости и стремиться къ *minimum'у* ея. Затѣмъ, становясь на точку зрѣнія Г. Джорджа, референтъ пытался показать, что соціальныя реформы и вообще прогрессъ культуры могутъ быть не такъ безсилны въ борьбѣ съ нищетой, какъ думаетъ Мальтусъ.

Въ заключеніе г. Малевичъ охарактеризоваль значеніе ученія Мальтуса въ исторіи демографической проблемы.

Въ преніяхъ приняли участіе студенты: А. Чернавскій и В. Муравьевъ.—Референту было замѣчено, что въ эпоху наивной вѣры въ благодѣтельность роста народонаселенія демографической проблемы еще не существовало и потому, вмѣсто трехъ ступеней въ исторіи ея развитія, лучше видѣть только двѣ, и было указано на недостаточность статистическихъ данныхъ, приведенныхъ имъ въ опроверженіе закона Мальтуса. Въ частности: г. Чернавскій доказываль, что ростъ средствъ существованія нельзя измѣрять ростомъ капитала и орудій труда, а должно измѣрять ростомъ жизненныхъ продуктовъ (хлѣба), добываемыхъ изъ земли, и особенно настаиваль на томъ, что голодъ неизбѣженъ въ виду все большаго и большаго истощанія земли; а г. Муравьевъ указаль референту на то, что онъ не даль философскаго освѣщенія вопросу и почвы для нравственнаго примиренія съ фактомъ, что милліоны разумныхъ существъ должны умирать отъ голода.

Въ обмѣнѣ мыслей между референтомъ и оппонентами приняли участіе профессора: И. Д. Андреевъ, П. П. Соколовъ и П. В. Тихомировъ.

Признавъ силу за возраженіями, члены руководители высказались, что, хотя и желательнo философское освѣщеніе факта борьбы за существованіе, референтъ можетъ быть свободенъ отъ упрека въ томъ, что онъ не даль его, потомучто это не входило въ его задачу.—Въ общемъ постановка и рѣшеніе вопроса были признаны правильными.

Въ 1900—1901 уч. году дѣятельность студенческаго философско-психологическаго кружка закончилась *восемью* засѣданіемъ, 20 апрѣля.

Студентъ III курса Н. М. Знаменскій, въ присутствіи О. Инспектора Академіи, гг. членовъ руководителей—П. П. Соколова, П. В. Тихомирова, И. В. Попова, Н. Г. Городенскаго и заслуженнаго ординарнаго профессора Д. Θ. Голубинскаго, прочель рефератъ подъ заглавіемъ: „Жизнь и смерть“.

Представляя собой исключительную особенность органическаго міра, жизнь и смерть, по мнѣнію референта, всегда представлялись человѣческому уму универсальными явленіями, опредѣляющими сущность и смысль природы. Обни-

мая все (смерть—только отрицаніе жизни, прекращеніе жизненныхъ процессовъ), жизнь не поддается всестороннему опредѣленію.—Современная біологія довольно удачно опредѣляетъ жизнь, какъ особый родъ броженья.

Смерть организма не составляетъ неизбѣжнаго логическаго вывода изъ характера его жизненныхъ отправленияхъ: одноклѣтчатые организмы не умираютъ естественною смертію. Поэтому біологи ищутъ объясненія смерти больше во внѣшнихъ, такъ сказать, контингентныхъ причинахъ.

Выходя изъ этого положенія, современная медицина уже одержала колоссальныя побѣды надъ органической неустойчивостью и нашла много средствъ искусственно поддерживать, укрѣплять и даже вызывать въ организмахъ интенсивные жизненные процессы.

Культурный ростъ сопровождается какъ постепеннымъ увеличеніемъ продолжительности жизни, такъ и все болѣе и болѣе замѣтнымъ уменьшеніемъ смертности.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній референтъ заключаетъ, что человѣкъ не рабъ жизни и смерти, какъ стихійныхъ процессовъ природы, а владыка ихъ, и что его власть надъ ними должна безконечно увеличиваться параллельно прогрессивному развитію и росту его психики.

Въ преніяхъ выяснилось, что опредѣленіе жизни, какъ особаго рода бродильнаго процесса, собственно, не—опредѣленіе, а только аналогія; что возможность безконечнаго продолженія жизни трудно согласить съ законами термодинамики, и что безсиліе человѣка предъ смертію, плохо мирится съ радужными надеждами референта.

Резюмируя пренія, П. В. Тихомировъ высказался, что положенія референта о жизни и смерти далеко не могутъ быть признаны прочными и обоснованными.
